

СЛАБАЯ ТАРА

Нынче взятки не берут. Это раньше шагу нельзя было шагнуть без того, чтобы не дать или не взять.

А нынче характер у людей сильно изменился к лучшему.

Взятки, действительно, не берут.

Давеча мы отправляли с товарной станции груз.

У нас тётка от гриппа померла и в духовном завещании велела отправить ейные там простыни и прочие мещанские вещицы в провинцию, к родственникам со стороны жены.

Вот стоим мы на вокзале и видим такую картину, в духе Рафаэля.

Будка для приёма груза. Очередь, конечно. Десятичные метрические весы. Весовщик за ними. Весовщик, такой в высшей степени благородный служащий, быстро говорит цифры, записывает, прикладывает гири, клеит ярлыки и даёт разъяснения.

Только и слышен его симпатичный голос:

— Сорок. Сто двадцать. Пятьдесят. Сымайте. Берите. Отойдите... Не станови сюда, балда, станови на эту сторону.

Такая приятная картина труда и быстрых темпов.

Только вдруг мы замечаем, что при всей красоте работы весовщик очень уж требовательный законник. Очень уж он соблюдает интересы граждан и государства. Ну, не каждому, но через два-три человека он обязательно отказывает груз принимать. Чуть расхлябанная тара — он её не берёт. Хотя видать, что сочувствует.

Которые с расхлябанной тарой, те, конечно, охают, ахают и страдают.

Весовщик говорит:

— Заместо страданий укрепите вашу тару. Тут где-то шляется человек с гвоздями. Пушай он вам укрепит. Пушай сюда пару гвоздей вобьёт и пушай проволокой подтянет. И тогда подходите без очереди — я приму.

Действительно верно: стоит человек за будкой. В руках у него гвозди и молоток. Он работает в поте лица и укрепляет желающим слабую тару. И которым отказали, те смотрят на него с мольбой и предлагают ему свою дружбу и деньги за это самое.

Но вот доходит очередь до одного гражданина. Он такой белокурый, в очках. Он не интеллигент, но близорукий. У него, видать, трахома на глазах. Вот он надел очки, чтоб его было хуже видать. А может быть, он служит на оптическом заводе и там даром раздают очки.

Вот он ставит свои шесть ящиков на метрические десятичные весы.

Весовщик осматривает его шесть ящиков и говорит:

— Слабая тара. Не пойдёт. Сымай обратно.

Который в очках, услышав эти слова, совершенно упадает духом. А перед тем, как упасть духом, до того набрасывается на весовщика, что дело почти доходит до зубочистки. Который в очках кричит:

— Да что ты, собака, со мной делаешь! Я, — говорит, — не свои ящики отправляю. Я, — говорит, — отправляю государственные ящики с оптического завода. Куда я теперь с ящиками сунусь? Где я найду подводу? Откуда я возьму сто рублей, чтобы везти назад? Отвечай, собака, или я из тебя котлетку сделаю!

Весовщик говорит:

— А я почём знаю? — И при этом делает рукой в сторону.

Тот, по близорукости своего зрения и по причине запотевших стёкол, принимает этот жест за что-то другое. Он вспыхивает, чего-то вспоминает, давно позабытое, роется в своих карманах и выгребает оттуда рублей восемь денег, все рублями. И хочет их подать весовщику.

Тогда весовщик багровеет от этого зрелища денег.

Он кричит:

— Это как понимать? Не хочешь ли ты мне, очкастая кобыла, взятку дать?!

Который в очках сразу, конечно, понимает весь позор своего положения.

— Нет, — говорит, — я деньги вынул просто так. Хотел, чтобы вы их подержали, покуда я сыму ящики с весов.

Он совершенно теряется, несёт суший вздор, принимается извиняться и даже, видать, согласен, чтобы его ударили по морде.

Весовщик говорит:

— Стыдно. Здесь взяток не берут. Сымайте свои шесть ящиков с весов — они мне буквально холодят душу. Но, поскольку это

государственные ящики, обратитесь вот до того рабочего, он вам укрепит слабую тару. А что касается денег, то благодарите судьбу, что у меня мало времени возжаться с вами.

Тем не менее он зовёт ещё одного служащего и говорит ему голосом, только что перенёсшим оскорбление:

— Знаете, сейчас мне хотели взятку дать. Понимаете, какой абсурд. Я жалею, что поторопился и для виду не взял деньги, а то теперь трудно доказывать.

Другой служащий отвечает:

— Да, это жалко. Надо было развернуть историю. Пущай не могут думать, что у нас по-прежнему рыльце в пуху.

Который в очках, совершенно сопревший, возится со своими ящиками. Их ему укрепляют, приводят в христианский вид и снова волокут на весы.

Тогда мне начинает казаться, что у меня тоже слабая тара.

И, покуда до меня не дошла очередь, я подхожу к рабочему и прошу его на всякий случай укрепить мою сомнительную тару. Он спрашивает с меня восемь рублей.

Я говорю:

— Что вы, — говорю, — обалдели, восемь рублей брать за три гвоздя.

Он мне говорит интимным голосом:

— Это верно, я бы вам и за трояк сделал, но — говорит, — войдите в моё пиковое положение — мне же надо делиться вот с этим крокодилом.

Тут я начинаю понимать всю механику.

— Стало быть, — я говорю, — вы делитесь с весовщиком?

Тут он несколько смущается, что проговорился, несёт разный вздор и небылицы, бормочет о мелком жалованьишке, о дороговизне, делает мне крупную скидку и приступает к работе.

Вот приходит моя очередь.

Я становлю свой ящик на весы и люблюсь крепкой тарой.

Весовщик говорит:

— Тара слабовата. Не пойдёт.

Я говорю:

— Разве? Мне сейчас только её укрепляли. Вот тот, с клещами, укреплял.

Весовщик отвечает:

— Ах, пардон, пардон. Извиняюсь. Сейчас ваша тара крепкая, но она была слабая. Мне это завсегда в глаза бросается. Что пардон, то пардон.

Принимает он мой ящик и пишет накладную.

Я читаю накладную, а там сказано: «Тара слабая».

— Да, что ж вы, — говорю, — делаете, арапы? Мне же, — говорю, — с такой надписью обязательно весь ящик в пути разворуют. И надпись не позволит требовать убытки. Теперь, — говорю, — я вижу ваши арапские комбинации.

Весовщик говорит:

— Что пардон, то пардон, извиняюсь.

Он вычёркивает надпись, и я ухожу домой, рассуждая по дороге о сложной душевной организации своих сограждан, о перестройке характеров, о хитрости и о той неохоте, с какой мои уважаемые сограждане сдают свои насиженные позиции.

Что пардон, то пардон.

ПИСАТЕЛЬ

Конторщик Николай Петрович Дровишкин давно мечтал сделаться корреспондентом. Он послал даже раз в газету «Красное чудо» письмо с просьбой принять в рабкоры. Но ответа ещё не было. И талант Дровишкина пропадал в бездействии.

А Дровишкин был очень талантливый человек. И главное — отличался красноречием. Все знакомые даже удивлялись.

— Голубчик, — говорили знакомые, — да с вашим талантом в газеты нужно писать.

В ответ Дровишкин только усмехался.

«Уж только бы мне попасть в газету, — думал Дровишкин. — Уж я бы написал. Уж я бы с моим талантом чёрт его знает что бы написал».

И вот однажды, развернув дрожащими руками «Красное чудо», Дровишкин прочёл: «Ник. Дровишкину. — Пишите о быте. Ваш № 915».

От радости Дровишкин едва не задохнулся.

— Есть! Принят! Корреспондент «Красного чуда» Николай Дровишкин!

И, едва досидев до четырёх, Дровишкин вышел на улицу, презрительно взглянув на начальство. На улице восторг Дровишкина немного утих.

«О чём же я буду писать? — подумал Дровишкин, останавливаясь. — Как о чём? О быте... Вот, например... Ну что бы? Ну вот, например, милиционер стоит... Почему он стоит? Может, его солнце печёт, а сверху никакой покрывки нету... Гм, нет, это мелко...»

Дровишкин пошёл дальше и остановился у окна колбасной.

«Или вот о мухах... Мухи на колбасе... Потом трудящиеся кушать будут...»

Дровишкин укоризненно покачал головой и зашёл в лавку.

— Как же это так, братцы? — сказал он приказчику. — Мухи у вас на окнах...

— Чего-с?

— Нет, я так. Трудящиеся, — говорю, — потом кушать будут. После мух. Дайте-ка мне того... полфунтика чайной...

Дровишкин помялся у дверей, положил колбасу в карман и вышел из лавки.

«Нет, — подумал он, — о мухах нельзя — мелко. Нужно взять что-нибудь этакое крупное. Какое-нибудь общественное явление. Факт значительный».

Но ничего значительного Дровишкину не приходило в голову. Даже люди, проходящие мимо него, были самые обыкновенные люди, совершенно непригодные для замечательной статьи.

Настроение у Дровишкина упало.

«О погоде, что ли, написать? — уныло подумал он. — Или про попа, что ли...»

Но, вспомнив, что поп приходится дальним родственником жены, махнул рукой и пошёл к дому.

Дома, закрывшись в своей комнате, Дровишкин принялся писать. Писал он долго. И когда кончил — уже начинало светать.

Разбудив жену, Дровишкин сказал:

— Вот, Веруся, послушай-ка. Я хочу знать твоё мнение. Это явление из жизни...

Дровишкин сел против жены и стал читать глухим голосом. Статья начиналась туманно, и смысл её даже самому Дровишкину был неясен, но зато конец был хлёсткий:

«И вместо того, чтобы видеть перед окнами ландшафт природы, трудящиеся порой лицезреют перед глазами мокрое бельё, которое повешено для просушки. За примером ходить недалеко. Не далее как сегодня, вернувшись после трудового дня, я увидел вышеуказанное бельё, среди которого были и дамские принадлежности, и мужское исподнее, что, конечно, не отвечает эстетическим запросам души.

Пора положить этому предел. То, что при старом режиме было обычным явлением, того не должно быть теперь».

— Ну как? — спросил Дровишкин, робко взглянув на жену. — Хорошо?

— Хорошо! — сказала жена. — Только, Коля, ты про какое бельё говоришь? Это ведь наше бельё перед окнами...

— Наше? — охнул Дровишкин.

— Ну да. Не узнал? Там и твоё исподнее.

Дровишкин опустил перед женой и, уткнувшись носом в её колени, тихонько заплакал.

— Верочка! — сказал Дровишкин, сморкаясь. — Кажется, всё у меня есть: и слог красивый, и талант, а вот не могу... И как это пишут люди?

ПАРАЗИТ

1

Живёт на свете такой Вася Кучкин. Писатель. Ничего себе — довольно способный парнишка. Талант в нём так и брызжет в разные стороны. Романы даже писать может.

А однажды сдуру написал этот способный Вася Кучкин роман. Получил, конечно, за него монету. Зажил.

Купил себе пальтишко с воротником и кровать. На кровати валяется и пальтишком прикрывается. Живёт что богатый.

2

«Кучкин-то наш, — подумал Васин управдом, — землю, сволочь, рое. Романы, подлая душа, пишет. Польты с воротниками ежедневно покупает. Надо ему, паразиту, на квартиру набавить. Чего с ним стесняться».

И набавил.

3

«Вот черти-то, — удивился Вася Кучкин, — на квартиры набавляют. Придётся поднажать. Не выходит иначе».

И стал голубчик наш Вася Кучкин побольше работать. Расстарался, конечно, обмозговал сразу два романа. Продал. Зажил. Живёт что богатый. На кровати валяется и пальтишком прикрывается.

4

«Эге, — подумал Васин фининспектор, — Кучкин-то, паразит, по два романа враз выпускает. Надо будет обложить подлеца».

Ну и обложил. И извещеньице ему любезно прислал. Дескать, с вас, милый, приходится.

5

«Худо, — подумал Вася Кучкин, с грустью рассматривая извещение. — Чем платить прикажете? Придётся поднажать. Должно быть, маловато работаю. Не хватает. Надо будет сон, что ли, сократить».

Ну и поднажал. Обмозговал враз три романа и сценарий. Попыхтел, постарался. И продал.

6

«Живут же люди, — подумал Васин управдом, — по три романа, черти, пишут. А, промежду прочим, как ремонты, так на казённый счёт норовят. Пушай-ка этот чёртов Кучкин за свои любезные ремонтирует. Будет!»

7

«Действительно, — подумал фининспектор, рассматривая Васины балансы. — Богато живут люди. Жиреют. Надо будет хвост накрутить».

8

«Господи, — подумал Вася Кучкин, хватаясь за голову. — Что делается-то! Придётся ещё поднажать».

Поднажал. Обмозговал четыре романа и трагедию. Продал.

9

«Кучкин-то, — подумали родственники. — Ну кто бы мог думать? Такой пустяковый человек, а как, сволочь, в гору пошёл. Трагедии пишет. Говорят, тыщи огребает. Надо будет нагрять к нему, пушай отвалит чего-нибудь на родственных началах».

10

«Ох! — подумал Вася Кучкин, — то есть решительно не хватает! Надо будет поднажать. Одно жалко — котелок чтой-то плохо работает».

Однаке, поднажал.

«Ого! — подумал фининспектор, почтительно разглядывая Васиные цифры. — Лопатой гребёт. Надо будет...»

Братцы! Милые товарищи! Молочные братья! Каюсь! Никакого такого Кучкина и в природе нет. Это я про себя написал. И вышла у меня, как видите, авторская исповедь.

Конечно, нет в этой исповеди — как у других прочих писателей — ни великих переживаний, ни революционных этаких восторгов — есть один, можно сказать, подлый коммерческий расчёт. А что поделать? Не подняться нам, видимо, с мелкой своей натуришкой над прозой жизни.

А исповедь эту, как видите, подписал я одной двусмысленной буквой. Не то это «три», не то — «зе». Разбирайтесь.

По секрету скажу — побоялся я полной фамилией подписывать. А то прочтут — опять, скажут, этот, как его, Зощенко пишет. В каждом, скажут, номере, сволочь, старается. Эх, придётся поднажать!

РАЗГОВОРЫ

Лётчик

...Я, братишка, конечно, испужался ужасно. Остолбенел прямо-таки. А тут ещё аппарат накренился набок и, гляжу, падает. Ну, думаю, погиб я... Ухватился рукой за раму и как сигану вниз...

Гляжу: лечу, мать честная. Эх, думаю, хорошо это с парашютом падать... А так-то без парашюта боязно, думаю... Лечу это я вниз и чуть не плачу — и себя-то жалко, и аппарата до чёрта жалко — потому, думаю,

вдребезги разобьётся... Вдруг хрясь об землю — упал. Ну, думаю, богородице дево радуйся, без ноги думаю...

— Ну, а аэроплан что? Вдребезги?

— Какой аэроплан?

— Ну, аппарат, что ли... С аппарата же падал?

— Зачем с аппарата. С этажа падал. Аппарат в кухне с полки свалился... Как, значит, милиция в квартиру впёрлась, мы очень даже испугались. Начали самогонный аппарат на полку прятать... А он шмяк с полки. Шум, конечно, треск. А мы с перепугу к окну... И ринулись вниз... полноги недочёт...

Часы

...Ну а врач, конечно, побледнел сильно. Хлоп-хлоп-с себя по карманам — нету у него часов. А часишки-то дрянь — кастрюльного золота... Хотя с цепочкой. И брелочки разные: яичко там, подковка какая-нибудь, ключик...

Ну, конечно, он закричал: караул! Часов нетути.

Фельдшер ему говорит:

— Вы, может, их дома оставили?

А он говорит:

— Нету, — говорит. — Я, — говорит, — как в трамвай влезал, там ещё посмотрел на часы. Опоздать боялся.

Ну, начали искать по штанам и по карманам — нету.

— Ну и что же? Вор-то, небось, прыгнул с трамвая? Не нашли!

— Ну и что же... Нашли, конечно... Разрезали больного опять. А хирург, конечно, обрадовался: вон, говорит, они, мол, любезные... И действительно, глядим — тутотка часы. У слепой кишечки приткнулись и лежат себе... А цепочка так по желудку пущена...